

УЗНИКИ ЭМОЦИЙ

Книга 4
ПРИКВЕЛ К КНИГЕ 5
«БУНТ ЧЕРНИЛ»

«СИМФОНИЯ ГОРМОНОВ»

Кирилл Попов

12+

Кирилл Попов

**УЗНИКИ ЭМОЦИЙ.
Книга 4: «СИМФОНИЯ
ГАРМОНОВ» (приквел к
книге 5 «БУНТ ЧЕРНИЛ»)**

«Автор»

2026

Попов К.

УЗНИКИ ЭМОЦИЙ. Книга 4: «СИМФОНИЯ
ГАРМОИОНОВ» (приквел к книге 5 «БУНТ ЧЕРНИЛ») /
К. Попов — «Автор», 2026

1995 год. В институте «Гармония» молодой учёный Лина создаёт экстрактор гормонов — устройство, отделяющее гормоны от плазмы крови. Поначалу проект кажется прорывом: контроль над гормональным балансом может победить депрессию и тревоги. Но когда исследования берёт под контроль Служба Эмоциональной Безопасности во главе с генералом Орловым, всё меняется. Извлечённые гормоны превращаются в «Элексир эмоций» — элитный продукт для привилегированных слоёв общества. А те, из кого эти гормоны извлекают, теряют память, волю, личность. Смерть коллеги, подпольная торговля, первые признаки массовой деградации доноров. Лина осознаёт: чтобы остановить катастрофу, нужно действовать немедленно. Научная драма о цене прогресса и границах научного вмешательства в природу человека.

© Попов К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Блокиратор	5
Глава 2. «Гармония»	7
Глава 3. Новый куратор	8
Глава 4. Сотрудник	9
Глава 5. Идея	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Кирилл Попов
УЗНИКИ ЭМОЦИЙ. Книга 4:
«СИМФОНИЯ ГАРМОНОВ» (приквел
к книге 5 «БУНТ ЧЕРНИЛ»)
(1995-1999)

Глава 1. Блокиратор

Чистота лаборатории в институте «Гармония» казалась безжизненной, отфильтрованной почти до состояния медицинского вакуума. В свои двадцать шесть лет Лина была не просто доктором — она архитектор нового порядка. В двадцать один — защита, в двадцать пять — признание. Профессор Иван Сергеевич смотрел на неё с той мудрой отстранённостью, с какой создатель смотрит на своё самое удачное и потенциально рискованное творение.

— Это не просто прибор, — голос Лины нарушил тишину, словно осторожный разрез скальпеля. — Это избавление от слабости.

На демонстрационном столе стоял «Блокиратор выработки гормонов». Компактный, с матовым корпусом, он выглядел почти безобидно. Но Лина знала: внутри этого устройства заперты частоты, способные превратить бушующий океан человеческой психики в спокойную гладь.

— Биохимический хаос больше не будет диктовать нам условия, — она обвела коллег взглядом, в котором светился увлечённый энтузиазм истинного нейропсихолога. — Мы все знаем: «Все болезни — от нервов». Но что такое нервы? Это неконтролируемые всплески кортизола и адреналина. Мой блокиратор генерирует электромагнитное поле строго заданной частоты. Он не просто подавляет — он ставит фильтр на выработку гормонов стресса. Мы создаём человека, которого сложно сломать, потому что ему сложнее чувствовать боль.

В лаборатории повисла тишина. Лина чувствовала азарт — тот самый редкий гормональный всплеск, который она ещё позволяла себе.

— Прекрасно, Лина... как и всегда, — голос Александра Петровича Волкова прозвучал негромко, но весомо.

Ему было сорок лет. Рождённый в 1955 году, он ещё помнил мир, где чувства не измерялись графиками на мониторах. Волков подошёл ближе; его глаза, видевшие немало потерь и одну единственную любовь, светились заботливой тревогой.

— Работа выполнена безупречно, — продолжил он, и Лина заметила, как он на мгновение сжал ладонь. — Но скажи мне, коллега... Вырезая опухоль страха, не заденешь ли ты артерию жизни? Эмоции — это не только яд страданий. Это радость. Это творчество. Это, в конце концов, любовь.

Волков замолчал, его взгляд на миг расфокусировался, уходя в туманные воспоминания о покойной жене. О тех днях, когда их общая боль и общее счастье были не сбоем системы, а смыслом существования.

— Если мы лишим человека возможности падать в бездну отчаяния, — тихо добавил он, глядя прямо в глаза Лине, — не лишим ли мы его крыльев, чтобы подняться к свету? Наука должна лечить, а не превращать нас в идеально отлаженные манекены.

Лина лишь слегка приподняла подбородок. В её мире «свет» был всего лишь оптической иллюзией, а «любовь» — непростой комбинацией окситоцина. Она была готова нажать кнопку.

Глава 2. «Гармония»

Морозное утро слегка касалось стен «Гармонии», но внутри здания царил искусственный климат. Лина спешила по длинным коридорам, и звук её каблучков задавал ритм, понятный только алгоритмам. Со стен на неё смотрели портреты великих нейропсихологов прошлого — они казались здесь напоминанием о старой этике. Рядом с ними, словно знаки грядущего, висели глянцевые схемы нейронных связей, больше похожие на чертежи интегральных схем.

Воздух был насыщен запахом синтетических реактивов. Этот запах — предвестник высокой науки и исследований — смешивался с горьковатым ароматом дешёвого кофе из столовой. Для Лины это был запах прогресса: кофеин стимулировал синапсы, резкий запах реактивов прояснял мысли.

Студенты-младшекурсники, сбившись в кучки, провожали её взглядами. В их шёпоте слышалась не восторженность, а смутная, неосознанная тревога. Они бросали любопытные взгляды на двери её лаборатории, словно на вход в необычное пространство. Для них «Блокатор» уже стал городской легендой, хотя ещё вчера был просто чертежом.

В самой лаборатории ощущалась особая жизнь — цифровая, упорядоченная. На столах царило сочетание порядка и творческого хаоса: осциллографы вычерчивали неровные кардиограммы человеческого гнева, превращая его в послушные синусоиды.

Лина привычно подошла к своему терминалу, проверила показания датчиков и сверила данные с вычислителями. Коллеги сосредоточенно работали вокруг: кто-то анализировал данные с экрана монитора, кто-то настраивал оборудование, проверяя соединения и калибровку. Графики гормональной активности на стенах напоминали карты исследований, а схемы электромагнитных полей дополняли картину научного поиска.

— Альфа-ритм на частоте 8–13 Гц стабилен? — бросила она в пространство, не оборачиваясь.

— В пределах нормы, — отозвался кто-то из лаборантов, но в его голосе не было полной уверенности, лишь сдержанная констатация факта.

Слухи в «Гармонии» распространялись быстро. В курилках и за спинами ведущих сотрудников формировались две точки зрения. Лина невольно уловила обрывки разговоров:

— Если это сработает, мы сможем помочь тысячам людей, забыть о депрессиях, — с воодушевлением произнёс один из ассистентов, настраивая спектрометр.

— Но разве мы имеем право так вмешиваться? — тихо возразил другой. — А если мы забудем, как дышать без команды? Эмоции — это не просто химические реакции, это часть нас... Имеем ли мы право отключать в человеке то, что делает его человеком?

Лина поправила датчик на головном обруче прототипа. Этические вопросы были для неё лишь «шумом в канале» — отвлекающими помехами, которые мешали чистоте сигнала. Она не собиралась отключать человека. Она собиралась его оптимизировать — убрать биологические факторы, мешающие системе работать без сбоев.

Она погрузилась в данные. Экран монитора отражался в её зрачках, делая взгляд почти цифровым. «Протокол Омега» ещё не появился, но его зарождение уже ощущалось в стенах «Гармонии», питаясь амбициями двадцатилетнего доктора наук.

Глава 3. Новый куратор

Иван Сергеевич выглядел так, будто из него разом выпустили часть сил. Он вызвал Лину к себе в кабинет в полдень, но вместо привычного запаха старых книг и мудрости в воздухе витал запах тревоги.

— Лина, стратегия меняется, — профессор не смотрел ей в глаза. — Наш проект... он больше не принадлежит только институту. С этого часа все разработки курирует Служба Эмоциональной Безопасности.

Лина хотела спросить про гранты, но осеклась. Слово «Безопасность» в стенах «Гармонии» прозвучало непривычно резко.

— Вашим новым куратором назначен генерал Орлов, — добавил Иван Сергеевич, и Лина заметила, как слегка дрогнули его пальцы, нервно сжимавшие край стола. — Все данные, каждый байт ваших исследований по блокиратору, теперь должны дублироваться в закрытую систему. Этой системой стал «Архив Омега».

Генерал Орлов появился в лаборатории во второй половине дня — словно неожиданное событие, которое нельзя оставить без внимания. Он не вошёл — он заполнил собой пространство. Высокий, подтянутый, в мундире глубокого тёмного оттенка, Орлов осматривал помещение взглядом, в котором читалась не столько холодность, сколько сосредоточенность на эффективности.

Его сопровождающие — сдержанные фигуры в строгой форме — без лишних слов начали расставлять у дверей приборы, напоминающие устройства для подавления сигналов.

— Темпы недостаточны, — Орлов не тратил время на приветствия. Его голос звучал сухо, словно лёгкий треск. — Расширение масштабов — завтра. Отчётность в «Омегу» — ежеквартально. Ваша задача — не лечить, Лина. Ваша задача — создать инструмент социального равновесия.

Лина почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Она создавала блокиратор как лекарство, как научный прорыв. Но в руках Орлова её прибор превращался в средство контроля. Она посмотрела на Ивана Сергеевича, но профессор лишь чуть глубже втянул голову в плечи. Он больше не казался наставником — скорее человеком, оказавшимся в непростой ситуации.

Через три дня институт «Гармония» перестал быть прежним домом науки.

Камеры в коридорах теперь не просто записывали видео — операторы на другом конце анализировали мимику каждого проходящего. Люди в форме, без видимых знаков различия, ненавязчиво опрашивали лаборантов, занося ответы в блокноты. Доступ в блоки теперь требовал не просто пропуска, а личной идентификации с помощью магнитной карты.

Александр Петрович Волков поймал Лину у кофейного автомата. Он не смотрел на неё, глядя куда-то в пространство, где висела новая широкоугольная линза системы наблюдения.

— Похоже, нас больше не просто курируют, девочка, — прошептал он так тихо, что звук почти заглушался гулом вентиляции. — За нами наблюдают. Мы больше не врачи. Мы — подопытные в собственной операционной. Система начала считать наши пульсации.

Лина прижала прохладные пальцы к вискам. Её блокиратор ещё не был применён к людям, но она уже ощущала его потенциальное влияние — словно лёгкое электромагнитное поле на собственной шее. Проект постепенно выходил из-под контроля. Проект, казалось, начинал развиваться по собственным законам.

Глава 4. Сотрудник

Андрей Смирнов появился в дверном проёме лаборатории ровно в восемь ноль-ноль — бесшумно, словно незначительный сбой в системе, который всё же нельзя оставить без внимания. Ему было едва за двадцать, но в его осанке и отстранённом взгляде читалась выправка Службы Эмоциональной Безопасности (СЭБ).

— Техник-аналитик Смирнов. Куратор потоков данных для «Архива Омега», — его голос звучал сдержанно, почти безэмоционально.

Он не пришёл знакомиться. Он пришёл проводить аудит. Пока Лина старалась сохранить вежливое выражение лица, Андрей уже разворачивал свой терминал, подключаясь к корневым папкам проекта. Его вопросы отличались чёткостью: он не спрашивал о «самочувствии» пациентов, его интересовали только журналы электромагнитных колебаний и дозировки подавления.

Александр Петрович Волков наблюдал за ним из угла, сжимая в кармане пустую упаковку от седативного.

— Вы довольно молоды для такой внимательности, Андрей, — осторожно заметил он. — Вас учили искать новые идеи или только отклонения в графиках?

Смирнов даже не повернул головы. Его пальцы быстро двигались по сенсорной панели, проставляя цифровые подписи СЭБ на каждом файле Лины.

— «Омега» не делит мир на новые идеи и графики, Александр Петрович. Она видит только стабильность и шум. Моя работа — убирать шум.

Первые две недели «Гармония» ощущала на себе пристальное внимание Андрея. Он был везде: педантично фиксировал каждое отклонение, каждый разговор в курилке, каждую «несанкционированную» эмоцию в логах. Он действовал как чётко отлаженный элемент системы Орлова.

Но однажды ночью, когда в лаборатории остались лишь тишина и мягкий свет мониторов, маска инспектора дала трещину. Лина застала его у панорамного окна. Андрей смотрел на ночной город так, словно видел там не огни, а сложную сеть ограничений.

— Вы знаете, что они сделали в экспериментальных школах на окраине? — спросил он тихо, не оборачиваясь.

Лина замерла с чашкой остывшего кофе.

— Установили магнитные рамки, — продолжил Андрей. — И камеры с передатчиками. Операторы камер теперь считывают «индекс тревожности» у детей прямо на входе. Если ребёнок плачет из-за разбитой коленки, операторы системы фиксируют эмоциональную девиацию. Данные уходят в Министерство мгновенно.

Он наконец повернулся к ней. В приглушённом свете его лицо казалось чуть старше.

— Вы не просто создаёте прибор, Лина. Вы строите систему контроля. И мне кажется... — голос аналитика СЭБ слегка дрогнул, — что мы все только что перешли черту, за которой «Омега» перестанет быть программой и станет нашей единственной реальностью.

Глава 5. Идея

К четырём часам утра лаборатория «Гармония» словно стала замкнутым пространством. Воздух, пропущенный через фильтры, казался слишком стерильным и «правильным». Лина не просто изучала схему блокиратора — она тщательно разбирала её на составляющие.

Озарение пришло не как яркая вспышка, а как тихий, едва уловимый щелчок в сознании. Если блокиратор на определённых частотах гасил импульс к выработке гормонов, значит, система уже умела идентифицировать их волновой след.

— Блокировка — это слишком просто, — прошептала Лина, и её голос в пустом зале прозвучал чуть резковато. — Это лишь попытка устранить проблему на поверхности. А нужно... нужно использовать ресурс.

Она стёрла рукавом халата расчёты на доске. Маркер в её руке вычерчивал контуры экстрактора гормонов. Идея была радикальной: создать электромагнитный резонансный фильтр. Настроить каскад частот так, чтобы они вступали в резонанс с молекулами адреналина, окситоцина или дофамина.

— Сепарация прямо в потоке, — бормотала Лина. Её глаза, уставшие от бессонницы, не отрывались от формул. — Мы не будем запрещать им чувствовать. Мы позволим им вырабатывать всё это, а потом аккуратно, через магнитный фильтр, будем отделять гормональный концентрат от плазмы крови.

Это была концепция «Жатвы». Она проектировала не лекарство, а устройство, способное превратить человеческую кровь в источник сырья.

Утренний озон проник в помещение вместе с Иваном Сергеевичем. Профессор замер. Он смотрел на Лину — бледную, с тёмными кругами под глазами, — и на исписанную доску. Он видел не просто чертежи, а схему принципиально нового подхода.

— Лина... — голос старика слегка дрогнул. — Ты понимаешь, что экстракция — это не подавление? Это глубокое вмешательство в природу человека. Ты превращаешь кровь в электролит, а человека — в источник биологического материала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.